

Научная статья
УДК 008:1559
DOI: 10.20323/1813-145X-2025-3-144-196
EDN: IJLGCE

«Новый сентиментализм», или Эмоциональный поворот в современной медиакультуре

Алла Владимировна Дроздова¹, Елена Генриховна Егиазарян²

¹Доктор культурологии, доцент, Гуманитарный университет. 620041, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3

²Аспирант, Гуманитарный университет. 620041, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3

¹drozdovaalla@mail.ru, orcid.org/0000-0003-4160-6554

²elenajuk@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9988-473X>

Аннотация. Современный интерес к эмоциям изменил ситуацию в гуманитарных науках, определил новый ракурс и оптику изучения эмоциональных режимов и стилей, позволил изучать эмоции не просто как побочные продукты разума, а видеть в них собственную ценность для познания мира, понимания социальных взаимодействий, изучать динамику «эмоциональной температуры» культурно-исторических эпох. Однако современная научная реабилитация эмоций серьезным образом отличается от первого «эмоционального поворота» XVIII века. В фокусе «нового сентиментализма» находится не наивное представление об естественных эмоциях, а понимание того, что характер наших чувств по сути «сконструирован» культурой.

В культуре модернистской миссию «воспитания чувств» и создания эмоционального ландшафта взяли на себя современные медиа (социальные сети и распространяемый в них контент, сериалы, кинофильмы, фотографии), которые репрезентируют при помощи визуальных образов новые эмоциональные режимы, трансформируют индивидуальные переживания в коллективные символические знаки и нормы. Эмоции современного общества, основанного на информации и образах, представляют собой разные конфигурации и сочетания культурных норм и эмоциональных переживаний. Современная культура характеризуется множеством противоречивых определений, которые ей даны: «культура страха», «культура эмоциональной холодности», «культура сочувствия», «культура депрессии», что говорит не только о сложности и противоречивости сегодняшнего дня, но и о тотальном проникновении эмоций во все сферы культуры от экономики, политики до повседневных практик.

Ключевые слова: эмоции; аффекты; эмоциональный поворот; терапевтический дискурс; визуальная культура; социальные медиа

Для цитирования: Дроздова А. В., Егиазарян Е. Г. «Новый сентиментализм», или Эмоциональный поворот в современной медиакультуре // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 3 (144). С. 196–205. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-3-144-196>. <https://elibrary.ru/IJLGCE>

Original article

«New sentimentalism», or The emotional turn in present-day media culture

Alla V. Drozdova¹, Elena G. Egiazaryan²

¹Doctor of culturology, associate professor, University for humanities. 620041, Yekaterinburg, Zheleznodorozhnikov st., 3

²Postgraduate student, University for humanities. 620041, Yekaterinburg, Zheleznodorozhnikov st., 3

¹drozdovaalla@mail.ru, orcid.org/0000-0003-4160-6554

²elenajuk@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9988-473X>

Abstract. Contemporary interest in emotions has precipitated a shift in the humanities, defining a novel paradigm and methodological approach in the study of emotional modes and styles. This has enabled a re-evaluation of emotions, transcending the conventional conceptualization of them as mere by-products of the mind. Instead, emotions are now regarded as intrinsic entities, endowed with inherent value for the comprehension of the world, the analysis of social interactions and the study of the dynamics underlying the «emotional temperature» of cultures and historical epochs. Nevertheless, the contemporary scientific rehabilitation of emotion varies considerably from the initial «emotional turn» that occurred during the eighteenth century. The central focus of the «new sentimentalism» differs from the notion of

perceiving natural emotions in a naive manner, emphasizing instead the idea that the fundamental essence of our sentiments is inherently «constructed» by prevailing cultural influences.

In today's culture, the concept of «educating the senses» and the construction of an emotional terrain have been appropriated by modern mediums, including social networks, serialized narratives, films and photography. These contemporary forms represent novel emotional modes through visual imagery, thereby facilitating the transformation of personal experiences into collective symbolic signs and norms. The emotions experienced by individuals within a modern, information- and image-based society are constituted by diverse configurations and combinations of cultural norms and emotional experiences. Contemporary culture is characterized by a host of contradictory definitions attributed to it: «culture of fear», «culture of emotional coldness», «culture of empathy», «culture of depression», illustrating both the intricacies and the contradictions of contemporary society, and the pervasive nature of emotions within all realms of culture, including economics, politics and day-to-day practices.

Key words: emotions; affects; emotional turn; therapeutic discourse; visual culture; social media

For citation: Drozdova A. V., Egiazaryan E. G. «New sentimentalism», or The emotional turn in present-day media culture. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2025; (3): 196-205. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-3-144-196>. <https://elibrary.ru/IJLGCE>

Введение

Современная культура за последние несколько десятилетий пережила множество поворотов (лингвистический, пространственный, визуальный) [Бахманн-Медик, 2017]. Каждый культурный поворот связан с изменениями исторических, социальных и политических условий и проблематизирует новые оптики, с помощью которых фиксируются новые объекты познания. Эмоции, начиная с античной культуры, находились в центре внимания философов (природа эмоций была описана еще Аристотелем), но настоящий выход эмоций на авансцену исследований происходит лишь в конце XX века. И этот интерес не случаен, поскольку современность эмоционально окрашена и характеризуется неразделенностью социокультурного поля и внутренней жизни, чувства вписаны во все сферы человеческого существования: от политики, живого опыта повседневной жизни человека, межличностных взаимодействий до потребительской и профессионально-трудовой сферы. Однако вопрос о природе и структуре эмоций, истории эмоций и источниках их изучения остается открытым и дискуссионным в междисциплинарном поле исследования: одновременно сосуществуют как минимум две парадигмы изучения, одна из них – культурологическая – утверждает, что «эмоции – это культура» и эмоции социально сконструированы, а другая – психологическая – доказывает их универсальность и обусловленность в основном психическими факторами. И среди них свою актуальность сохраняет кросс-культурное осмысление различий в понимании эмоций: «Во всех ли культурах смерть приносит горе, или только в тех, где высоко ценится индивидуальная жизнь? Можно ли считать романти-

ческую любовь универсальным человеческим опытом – или он присущ только западноевропейской культуре»? Более того, эмоциональный поворот сопровождается терминологическим поиском. Если для психологов важно провести разграничение между «эмоцией» как физической реакцией на конкретный стимул и «чувством» как восприятием эмоций, то философия культуры различает эмоции как личное, «субъективное содержание» и аффекты, которые обладают «синэстетической сущностью, предполагающей участие нескольких чувств друг в друге» [Маскуми, 2020, с. 122].

Трудно не согласиться с авторитетной точкой зрения Л. Февра, по сути первооткрывателя эмоций как особого феномена исторической науки, утверждавшего, что с развитием «цивилизаций происходит подавление эмоций активностью интеллекта» [Февр, 1991, с. 133], но сегодня в наш чувствительный век «чувства дают сдачи», и мы наблюдаем, как рождаются контуры новой рациональности изучения эмоционально сферы. Несмотря на то, что среди научного сообщества проблема эмоций остается во многом «сумеречной, недоступной сферой внутренних чувств», можно утверждать, что возникло самостоятельное исследовательское поле изучения эмоций как в социальной психологии [Экман, 1994; Лазарус, 2001, Ильин, 2002, Изард, 2021], так и в области гуманитарных и социальных наук. Эмоции стали не просто предметом исследования, а скорее перспективой нового эпистемологического поворота, который в настоящее время получил название «эмоциональный поворот» или «аффективный поворот» [Lemmings, 2014].

Методы исследования

Поворот к чувствам как объекту изучения, произошедший уже более тридцати лет назад в западноевропейской научной парадигме, привел к категоризации и концептуализации знания, формированию основных подходов и программ изучения эмоций, каждая из которых обладает своей исследовательской оптикой. Анализируя различные современные подходы к изучению эмоций, мы выделили два продуктивных для исследования подхода: универсалистский, характерный для экспериментальной психологии и нейронаук, и конструктивистский, согласно которому эмоции рассматриваются как часть культурно сконструированной сети смыслов, состоящей из культурных символов и способов социального взаимодействия, которые кодируются в языке культуры и являются образцами публичного чувствования. В нашем исследовании мы будем опираться на конструктивистский подход изучения эмоций, а также на традиции культурных исследований, сфокусированных на изучении культурных медиа-практик. Преимущественное место в этом исследовании отводится методам семиотического и дискурсионного анализа аудиовизуальных текстов телевизионных сериалов и социальных медиа, транслирующих новые эмоциональные режимы.

Результаты исследования

В фокусе внимания нашей статьи – поворот эмоциональный, указывающий на то, что эмоции стали важным аспектом не только личной, но и социокультурной жизни. Именно поэтому мы хотим разобраться, каковы же причины эмоционального поворота? Каковы эмоциональные режимы современности? Почему формирование чувствительного, ищущего себя субъекта стало новым проектом XXI века?

В нашем исследовании мы исходим из установки, что эмоции как носители культурных смыслов тесно связаны с нормами и ценностями общества, согласно которым люди выстраивают свою эмоциональную жизнь, переживают и выражают эмоции. При этом эмоции предстают как исторически изменчивые эмоциональные нормы, которые формируются временем конкретной культурно-исторической эпохи. Более того, изменчивость эмоций является своеобразной реакцией на социокультурные трансформации, происходящие в обществе. Действительно, как пишет Джозеф де Ривера: «хотя эмоции преходящи, общество создает фон из обычаев, которые

составляют эмоциональную культуру» [De Rivera, 2014, с. 218]. Но, если мы бы захотели выделить одну доминирующую эмоцию современности, которая характеризует наше время, то столкнулись бы с множеством противоречивых определений, которые ей даны: «культура страха», «культура эмоциональной холодности», «культура сочувствия», «культура депрессии». Все эти определения говорят о том, что современность сложна и обладает разными измерениями и, скорее, представляет собой разные конфигурации культурных норм и эмоциональных переживаний, свойственных как отдельным индивидам, так и коллективным сообществам.

Первое, на что следует обратить внимание, заключается в том, что «эмоциональный поворот» неслучайно совпадает с тем, что Гонсалес называет изменением «эмоционального режима» [Gonzalez, 2012] современного общества, связанного с огромным влиянием потребительской культуры. Множество определений современности – «общество впечатления», «общество переживания», «эмоциональный капитализм» – свидетельствуют о кардинальном изменении культурных, социальных и экономических аспектов общества модернизировать, что проявляется в ряде социальных явлений: расширении практик консюмеризма, в формах «эмоционального труда» [Хокшильд, 2019], в типах и правилах выражения эмоций. Герхард Шульце отмечает, что современный человек меняет свою потребительскую ориентацию с потребления утилитарных товаров и услуг – на внутреннюю – эмоциональную. И это означает, что «человек запускает процессы, которые разворачиваются в нем самом» [Schulze, 2005, с. 39], он ориентирован на свои ощущения и переживания, на построение личного бренда и инвестирование в себя, в свой проект «счастливой жизни», состоящий в том, чтобы «нечто пережить» [Schulze, 2005, с. 39]. Современный человек живет в эпоху экономики события, где на первый план выходят гедонистические удовольствия, которые необходимо пережить не в отдаленном будущем, а прямо сейчас. И даже в условиях риска человек не всегда рационально принимает потребительские решения, чаще полагаясь на свои эмоции, что и доказали в своей знаменитой работе Д. Канеман и А. Тверски [Kahneman, 1979].

Непосредственно сфера производства и потребления коммодифицирует чувства и идентичность человека. Как писала Е. Иллоуз, эмоции проникают на рынок, в профессиональную деятельность, в отношения человека, в брак и ин-

тимность, «синхронизируя экономику в личное». Человеческое “Я” становится основной целью» (Ilouz, 2007, с. 108), и этому будут подчинены рынок и экономика сферы услуг, фармацевтические индустрии, а также популярная психологическая литература жанра «помоги себе сам», позволяющая включить в рыночный оборот языковые психотерапевтические практики – говорения о собственных эмоциях. В этом нарративном режиме связи и личностные качества стали рассматриваться как своего рода капитал, а эмоции как применяемые к нему инвестиции, которые приносят прибыль, и, исходя из этого, человек выбирает партнеров, строит взаимоотношения с ними. Личные взаимоотношения превращаются в краткосрочные проекты, где главная цель – извлечь максимальную выгоду, считает П. Аронсон [Аронсон, 2020]. Одновременно происходит и встречный процесс: человеческие отношения приобретают некую рыночную ценность.

Второе, в XX веке контекст существования культуры кардинально меняется: мы сегодня живем в насыщенной символической среде – медиареальности, которая по преимуществу стала цифровой. Появление многочисленных медиумов – больших и малых экранов, которые окружают нас повсюду, создают видимость переживаемых современным человеком эмоций, их динамику, «время жизни» и формы репрезентации. Ранее история эмоций для своего анализа в качестве основных источников использовала литературные произведения, эго-документы (дневники, автобиографии, воспоминания). Так, историк эмоций У. Редди на материале эпохи сентиментализма во Франции предложил изучать эмотивы – речевые акты или высказывания об эмоциях, которые обладают и свойствами констати́ва, так как описывают мир, и свойствами перформатива, так как его изменяют. Его модель носила подчеркнуто логоцентричный характер, поскольку она «предполагала, что когда слова меняют свое значение, их эмотивные эффекты тоже меняются» [Reddy, 2001, с. 5, 9–11]. Концепция У. Редди ставит слова в привилегированное положение по сравнению с другими формами выражения эмоций, поскольку для анализа был выбран поворотный для изучения эмоций XVIII век, когда дискурс приватной жизни впервые становится публичным, благодаря развитию литературных жанров сентиментализма. Именно тогда публичные образы чувствительности репрезентирует литература, которая предлагает варианты эмоционального кодирования для кру-

га образованных читателей, именно тогда происходит эмансипация чувств, открытие их многообразия. Книга стала «учебником чувств», она позволяла сопереживать истории русской бедной Лизы, французской Элоизы, немецкого юного Вертера и вместе с тем возвращаться к уже испытанным переживаниям, уточнять свои эмоции, сверяя их с литературными образцами. В этом смысле сентиментализм стал первым «эмоциональным поворотом»: поворотом от светских норм к интимности переживания, в нем произошло резкое увеличение диапазона жизненных ситуаций, а эмоции стали сложнее и разнообразнее, ключевыми понятиями стали «симпатия» и «сочувствие». Литература позволила читателю сделать эмоции частью себя, чтобы потом сверять с ними свои переживания и поступки и главное – понимать и сопереживать эмоциям Другого.

Но если мы обращаемся к современности, то не столько речевые акты, сколько визуальные репрезентации являются яркими свидетельствами эмоциональной жизни. Развитие визуальной медиакультуры сформировало новый тип мировосприятия, чувственно и эмоционально окрашенный. Мир, опосредованный внешней иконосферой, представляет сконструированные комплексы желаний, встроенные в сложные культурные коды. Именно экранные образы стали тем «символическим образом чувства» [Зорин, 2016], благодаря которому человек понимает не только то, что он переживает, но и то, как надо чувствовать. Иначе говоря, поток экранных образов репрезентирует те образцы эмоций, на которые можно ориентироваться, чтобы оценить и понимать свое чувство. Американский антрополог Клиффорд Гирц отмечал, что публичные образы чувствования человек заимствует из «мифа, ритуала и искусства» [Гирц, 2004, с. 96]. Но если говорить о современной культуре, то к этой триаде следует добавить экранные медиа, которые не менее, а возможно, и более важный агент транспорта символических моделей, они структурируют способы мышления и эмоциональных переживаний, определяют эмоциональную норму. Экраны, по словам М. Фишера, обрели невиданную ранее власть над восприятием, дистрибуцией и потреблением культуры [Фишер, 2021]. Во многом «новые инструменты коммуникации привели и к появлению новой номенклатуры эмоций, связанных не столько с живым проявлением чувств, сколько с их изображением. Прикрепив к сообщению “эмодзи”, можно изобразить любое чувство, эмо-

цию – радость, печаль, удивление, недовольство... И набор этих матриц стремительно обновляется» [Зорин, 2016, с. 289]. Об этом также свидетельствует и вирулентное использование мемов в интернет-коммуникации, они апеллируют к эмоциям аудитории и требуют присоединиться к ним при помощи лайка. Мемы стали своеобразным эзоповым языком, когда мы не можем прямо говорить о том, что чувствуем, или, когда эмоции невозможно выразить только словами, пользователи прибегают к картинкам с подписью.

«Ностальгия по настоящему»

Как мы уже отмечали, социокультурный контекст определяет, какой вариант переживания эмоции является предпочтительным. Какие же эмоциональные репертуары сегодня репрезентируют медиа, и какие эмоции претендуют на то, чтобы стать нормой? Современная культура буквально пронизана отрицательными эмоциями и аффектами, что в полной мере обеспечивается шоковой сенсационностью медиа, катастрофами новостей, культивацией насилия в массовом искусстве, публичными обсуждениями симптомов депрессии. Текучая современность, неопределенность дня завтрашнего связана с присвоением прошлого, иначе с тоской по несбывшимся вариантам будущего. Как обозначил это З. Бауман, «глобальная эпидемия ностальгии», охватившая современность, связана с тем, что в прошлом человек находит опору – определенность и защищенность, которой больше нет в настоящем [Bauman, 2017, с. 18]. Так, по мнению С. Бойм, переживание утраченного прошлого также связано с тоской по подлинному времени, отличному от линейной акселерации времени глобализации и цифровизации, сокращающей «пространство опыта» [Бойм, 2019, с. 18].

С Бойм анализирует два варианта ностальгии – «реставрирующую» и «рефлексирующую». Опираясь на эту классификацию, можем сказать, что первый вариант встречается во множестве российских телевизионных программ и сериалов, создавая традиционалистскую «пасторальную мечту» о далеком прошлом. Современное поле визуальной культуры буквально плодит бесконечные стилизации под старину: римейки, перезапуски франшиз, создание исторических картин и сериалов военной тематики «Нюрнберг», «Воздух» и «старины глубокой» – «Гардемарины 1787. Война», «Первая на русском престоле». Но и российская сетка развлекательных передач, где первые позиции телепросмотров занимают программы «Поле чудес», «Пусть говорят», «Кто

хочет стать миллионером?», идущие десятки лет с одними и теми же ведущими, характеризует культуру ретроспекции и пастиша. Бесконечный самоповтор культуры порождает ощущение «вечного настоящего», в котором будущего, кажется, больше нет, а есть только вариации прошлого, разыгрывание его различных комбинаций. По мнению Джеймисона, ностальгическое желание вернуться в прошлое связано с «культурной логикой капитализма» [Джеймисон, 2014, с. 296]. Можно попытаться выделить несколько причин такой взаимосвязи. Во-первых, интерес к хорошо знакомому в условиях ускорения коммуникаций и перегрузки внимания требует эксплуатации простых и знакомых культурных форм. Во-вторых, в современной культуре, ориентированной на массовое производство, происходит конвейеризация культурных смыслов, новая эпоха культурного производства или «культурных индустрий» массово воссоздает культурные продукты похожие на те, которые уже имели успех у аудитории. Эти призраки прошлого, как что-то мерцающее между бытием и небытием, по мнению М. Фишера, порождают меланхолию, депрессию, усталость, обиду, ставшие ключевыми эмоциями современности [Фишер, 2021]. Так, в 2020 году известный художник Тимофей Радя поджег на фоне заката огромные буквы FUTURE, объяснив в своих социальных сетях смысл арт-объекта: «Надежды оказались иллюзиями, потом и они исчезли, оставив чистое небо» [Тимофей Радя].

Сериалы как навигаторы эмоций

Аудиовизуальным примером эмоциональных высказываний стали телевизионные сериалы, которые пришли «на смену реалистическому роману и кино как главный художественный медиум» [Павлов, 2014, с. 11]. Из «второстепенного жанра» сериал стал доминирующей формой вымысла в современной культуре [Hall, 2016] и значимым медийным феноменом. Сериалы как чуткие к общественному запросу художественные формы быстро реагируют на изменения в эмоциональных режимах. Диегетический мир сериала включает адресата в эмоциональную историю, фиксируя в смоделированном экранном универсуме те перемены, которые происходят в эмоциональной культуре. Экранные «публичные образы чувствования» формируют реакции на те или иные события, без которых, по мнению Гирца, человек не смог бы разобраться в своих чувствах. Являясь навигацией в мире чувств, сериалы выстраивают социальный и эмоциональный опыт зрителя. Ки-

нокритик А. Таежная отмечает, что в последнее время некогда популярный жанр романтической комедии исчез из кино и сериалов [Таежная, 2020]. Нарративы «Золушки» и «Спящей красавицы» ушли в прошлое, зритель больше не мечтает «о той самой» или «том самом», он перестал верить в идеальную любовь не только на экране, но и в жизни. Поэтому современные истории про любовь переосмысливают романтические клише и задают особый эмоциональный режим грусти и меланхолии, при котором на смену романтическим отношениям прошлого без неврозоз, без бытовых проблем и несчастных браков, пришли герои, далекие от идеала, живущие в реальном мире после решения «быть вместе». Иными словами, романтическая любовь как конструкт европейской культуры, возникший в XVIII веке, сегодня переосмысливается. Сериал Джо Свонберга «Проще простого» рассказывают историю о паре в ожидании ребенка и тех амбивалентных эмоциях, которые они переживают. Переменчивость их желаний и эмоций приводит к тому, что герои готовы остаться в одиночестве, а не мириться с тем, что их не устраивает. И даже самые очевидно примитивные призывы наслаждаться сегодняшним днем не могут полностью подавить отенок печали, ощущаемый в сериале. Иными словами, сериалы фиксируют наше зрительское взросление, и там, где раньше царила романтика и сентиментальность, это место заняли другие виды эмоционального реагирования: осознанность и выстраивание границ, поиск баланса отношений.

Нередко при всей бесхитростности эмоционального диапазона и использовании упрощенных, схематизированных ситуаций мелодрам, идущих на таких телевизионных каналах, как «Домашний» и другие малые каналы, а также «Россия 1», зритель постоянно сталкивается с проблемами межличностных отношений: «как разойтись», «как вернуть отношения», «как вернуть себя», «как жить с бывшим», «как отделить детей», то есть с тем, как правильно эмоционально реагировать, понимать и принимать свое эмоциональное состояние и другого. И мы видим, как постепенно в российских сериалах происходит перераспределение гендерных ролей. Так, в сериале «Алла-такси» Рауфа Кубаева, в котором использован обычный мелодраматический зачин (женщину обманул муждальнотбойщик, она оказывается без денег и жилья), героиня вместо привычной покорности неожиданно отстаивает свою независимость и эмоциональную устойчивость, «выбирая себя».

Теперь женщина (вспомним сериал Э. Оганесяна «Чижи») сама «в поисках своего счастья», она и предприниматель, и врач, и следователь, главное – она больше не жертва, которая доверяет мошенникам и попадает в ловушки соперниц. Но вместе с тем сериалы репрезентируют и белые пятна на новой эмоциональной карте, показывают, что мы теряем, когда начинаем относиться к собственному счастью как к предмету обдуманной работы и отказываемся признать, что наше сердце и чувства не всегда в нашей власти [Сапрыкин, 2021].

Новый сентиментализм?

С развитием социальных сетей и появлением сетевых сообществ возникает особый эмоциональный «климат», при котором эмоции становятся основополагающим аспектом не только личной, приватной, но и публичной социальной жизни. С одной стороны, новые интернет-практики являются следствием более общих культурных изменений, результат которых Дэвид Райзмен описал как процесс перехода от «внутренне ориентированного» человека к «внешне ориентированному» [Riesman, 2001]. Если раньше в эпоху модерна человек входил в жизнь с готовыми с детских лет эмоциональными образцами и правилами, то в современной культуре скорость происходящих культурных изменений настолько возросла, что эти заданные эмоциональные нормы стали недостаточны. Чтобы адаптироваться к «текучей современности», эти нормы надо постоянно обновлять, и поэтому современный человек стал все больше ориентироваться на реакцию и поведение ближайших социальных групп. Потребность делиться с миром своими переживаниями привела к тому, что публичность захватила жизнь каждого. Для выражения эмоций сегодня возникло множество новых платформ, специализированных форумов, подкастингов и онлайн-сообществ таких, как Daylio и Moodnotes, Medium и WordPress, которые способствуют личному обмену эмоциями и помогают отслеживать и выражать эмоции в повседневной практике. Поэтому, как отмечает Б. Гройс, «необязательно вести масштабные стримы или снимать вирусные тиктоки: рядовой пост в социальных сетях является эпизодом персонального сериала, долгоиграющего и образующего собственный контекст. Никто не застрахован от того, что его репост обрушит фондовый рынок, а лайк может как спасти чью-то жизнь, так и привести к преследованию» [Гройс, 2024, с. 112]. И это означает, что социальные медиа не только фиксируют, но и транслируют наши

эмоции, предлагают всему миру увидеть наши интимные фотографии, видео и тексты. Если раньше, в период становления интернета, пользователи испытывали доверие к новому средству коммуникации, то сегодня доверие полностью исчезло, и это произошло не только из-за осознания тотальной прозрачности наших аккаунтов, но и в результате негативной эффектации, хейтинга в цифровой среде. Современная ситуация, казалось бы, повторяет жанр дневников, популярный в сентиментализме. В «новом сентиментализме» блоги с детьми, кошечками и цветами транслируются на широкую аудиторию, но если в XVIII веке интимные дневники были средством самопознания и самосовершенствования, то аккаунты в социальных сетях создаются с целью понравиться и получить желанные лайки. Раньше, как отмечает Б. Гройс, желание восхищения рассматривалось как греховное, то в наше время «общество превратилось в выставочное пространство, где индивидуумы выступают как художники и одновременно – как произведения искусства собственного изготовления» [Гройс, 2024, с. 109].

С другой стороны, желание делиться своими переживаниями и выражать свои эмоции применительно к своей референтной группе в социальных медиа сформировало особый терапевтический дискурс, который играет важную роль в процессах субъективации и заботы о себе. Язык техник самоанализа и «самопроговаривания» – «психотерапевтический новояз» [Лернер, 2011] проник в повседневную коммуникацию пользователей. Такие понятия, как «травма», «личные границы», «абьюз», «созависимость», покинули пределы узких психологических сообществ, включились в публичное пространство, став предметом активных дискуссий в медиа-сообществах. Конечно, следует отметить, что медиа являются инструментами, которые широко транслируют новый режим эмоциональности, связанный с развитием терапевтических техник. На вопрос, почему происходит психологизация популярной и повседневной культуры, исследователи отвечают по-разному: для Ф. Фуреди это связано со стремлением государственной системы к контролю над приватной жизнью индивида [Furedi, 2004], а Ева Иллус подчеркивает взаимосвязь рыночной модели экономики, рациональности и терапевтического дискурса [Иллус, 2023]. Прежде всего, Е. Иллус фокусирует внимание на том, что эмоциональный дискурс проникает в экономические институты, в результате чего происходит рационализация и объективация

приватной жизни современного человека. Контроль над собой и своими эмоциями побуждает современного человека заимствовать идеи популярной позитивной психологии, снимающей с негативных эмоций социальные коннотации. Теперь наши эмоции – это результат усилий нашего подлинного Я, работы над собой, данная установка конструирует и выбор новых эмоциональных режимов: или «осознанно быть счастливым», или поддаваться негативным эмоциям, что рассматривается как патология.

«Современная терапевтическая модель Self» артикулируется в понятиях «жизни без страдания» или «самодизайна», поэтому благополучие зависит от того, насколько индивид понимает свои эмоции, насколько он может преодолеть свои страхи, неуверенность, недовольство собой. По словам Е. Иллус [Illouz, 2007], этика контроля над своими эмоциями предполагает одновременно две стратегии: «невовлеченное Я» и «общительное», при которых происходит отстранение от негативных эмоций, при этом не исключая индивида из социальных контактов. Эти стратегии нашли свое отражение в визуальном контенте социальных сетей, создается впечатление, что все хотят быть позитивными и оптимистичными, стигматизируя травмирующий и беспокоящий опыт старения, травмы и смерти. Самопрезентация себя, своей исключительности «превращает жизнь индивида в напряженный кураторский проект» [Куренной, 2020, с. 25]. При этом каждый создает свой публичный образ, не всегда похожий на то, как мы себя чувствуем или что про нас думают люди, которые соприкасаются с нами в офлайн-реальности.

Визуальный цифровой мир пронизан интимностью – это демонстрации приватных сценариев: семейных каникул, выпускных, встреч с друзьями, распакованных покупок в новогоднее утро. Как отмечает колумнист Стивен Марш, «еще ни в одну эпоху не было такого изобилия растиражированного частного опыта – и такого дефицита эмпатии (то есть способности понять значение этого частного опыта)» [Марш]. Сегодня психологи отмечают, что в здоровых отношениях нет боли, а важен только личностный рост и уверенное состояние счастья. Поэтому переживание боли является свидетельством незрелости личности и зависимости от человека, который «not good for you». Иными словами, ранимость современных эрастов и вертеров рассматривается как патология, а у Руссо и Ричардсона именно она являлась основным экзистенци-

альным состоянием человеческой природы и дела- ла человека человеком. Порожденный цифровой эпохой новый эмоциональный режим «близость без эмпатии», думается, не абсолютен, как пока- зывает в своих экспериментах психолог Мэтью Либерман [Liberman, 2013], наша потребность общаться с другими людьми является базовой, поскольку человеческий мозг на физиологиче- ском уровне настроен прежде всего на коммуни- кацию и на связь с другими даже более, чем на потребности в еде или жилье.

Заключение

Л. Февр в своей программной статье «Чув- ствительность и история» писал, что без понима- ния истории любви и смерти невозможна подлин- ная история культуры [Февр, 1991, с. 123]. Идея Л. Февра оказалась пророческой, и за последние три десятка лет появились исследования, посвя- щенные «неуловимой» силе эмоций, определяю- щей поведение человека в обществе и культуре. Интерес к эмоциям изменил ситуацию в совре- менных гуманитарных науках, определил новый ракурс и оптику изучения эмоциональных режи- мов и стилей, позволил рассуждать об эмоциях не просто как о побочных продуктах разума, а ви- деть в них собственную ценность для познания мира, понимания социальных взаимодействий, изучать динамику «эмоциональной температуры» культурно-исторических эпох. Однако современ- ная научная реабилитация эмоций серьезным об- разом отличается от первого «эмоционального поворота» XVIII века, в фокусе «нового сенти- ментализма» находится не наивное представление об естественных эмоциях, а понимание того, что характер наших чувств культурный и «сконструи- рованный».

Наше исследование позволяет утверждать, что в культуре модернизировать миссию «воспитания чувств» и создания эмоционального ландшафта взяли на себя современные медиумы (сериалы, социальные сети, кинофильмы), которые репре- зентируют при помощи визуальных образов но- вые эмоциональные режимы, трансформируют индивидуальные переживания в коллективные символические знаки и нормы, создавая некую новую форму человеческой активности.

Библиографический список

1. Аронсон П. Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств. Москва : Individuum, 2021. 192 с.
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Но- вые ориентиры в науках о культуре. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
3. Бойм С. Будущее ностальгии. Москва : Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.
4. Гирц К. Интерпретация культур. Москва : РОССПЭН, 2004. с. 96
5. Гройс Б. Апология Нарцисса. Москва : Ад Мар- гинем Пресс, 2024. 112 с.
6. Гройс Б. Философия заботы. Москва : Новое ли- тературное обозрение, 2024. 120 с.
7. Джеймисон Ф. Постмодернизм и общество потреб- ления // Марксизм и интерпретация культуры. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. 296 с.
8. Зорин А. Л. Появление героя: Из истории рус- ской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
9. Изард К. Психология эмоций. Санкт-Петербург : Питер, 2021. 464 с.
10. Иллус Е. Фабрика счастливых граждан: как индустрия счастья конструирует нашу жизнь / Е. Ил- лус, Э. Кабанас. Москва : АСТ, 223. 352 с.
11. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. Санкт- Петербург : Питер, 2001. 752 с.
12. Куренной В. А. Общество сингулярностей и новые классы: культур-социология Андреаса Рекви- ца // Logos Review of Books. 2020. № 1. С. 25–27.
13. Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют Self на постсоветском телеэкране // Laboratorium, 2011. № 1. С. 116–137.
14. Лазарус А. Краткосрочная мультимодальная психотерапия. Санкт-Петербург : Речь, 2001. 256 с.
15. Массуми Б. Автономия аффекта / пер. с англ. Г. Г. Коломийца // Философский журнал. 2020. Т. 13, № 3. С. 110–133.
16. Марш С. Кризис близости в эпоху цифровой связи. URL: https://lareviewofbooks.org/article/crisis-intimacy-age-digital-connectivity/?fbclid=IwAR3ut-sQw2rwxD9vFtiZ-0p5wzhq1_H1pKpveKLlQJxd-Wn1Y4mkP_AmY5s (дата обращения: 15.05.2025).
17. Павлов А. В. Постыдное удовольствие: фило- софские и социально-политические интерпретации массового кинематографа. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 360 с.
18. Российская империя чувств: Подходы к куль- турной истории эмоции : сб. статей / под. ред. Яна Плампера, Шаммы Шахад и Марка Эли. Москва : Но- вое литературное обозрение, 2010. 512 с.
19. Сапрыкин Ю. Рецензия на книгу Аронсон П. Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами сво- их чувств. Москва : Индивидуум, 2021. 192 с.
20. Таежная А. С широко открытыми глазами: по- чему мы больше не верим фильмам о любви. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/392273-c-shiroko-otkrytyimi-glazami-pochemu-my-bolshe-ne-verim-filmam-o-lyubvi> (дата обращения: 15.05.2025).

21. Тимофей Радя сжег «Future» не первый – до него это сделал испанский художник в 2012 году. URL: <https://66.ru/news/society/233027/> (дата обращения: 15.05.2025).

22. Терешина Д. «Быть собой» или «Радовать себя»? Терапевтические технологии, эмоции, неравенство в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22, № 1 С. 26–40.

23. Февр Л. Чувствительность и история // Бои за историю / пер. с фр. Москва : Наука, 1991. С. 109–125.

24. Фишер М. Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем. Москва : Новое литературное обозрение, 2021. 256 с.

25. Хокшильд Арли Рассел Управляемое сердце: коммерциализация чувств / пер. с англ. И. Кушнаревой ; под науч. ред. В. Данилова. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 392 с.

26. Хэзмондалш Д. Культурные индустрии. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 456 с.

27. Экман П. Психология эмоций. Санкт-Петербург : Питер, 2024. 448 с.

28. Bauman Z. Retrotopia. Cambridge : Polity, 2017. 180 p.

29. Barbalet J. Honey, I Shrunk the Emotions: Late Modernity and the End of Emotions // Emotions and Society. 2019. Vol. 1 (2). P. 133–146.

30. De Rivera, J. Emotion and the formation of social identities, in Christian von Scheve and Mikko Salmela (Eds.), Collective Emotions. Perspectives from Psychology, Philosophy, and Sociology, Oxford, UK, Oxford University Press, 2014. pp. 17–231.

31. Gonzalez A. M. Emotional culture and the role of emotions in cultural analysis, in A. M. González (Ed.), The Emotions and Cultural Analysis, Burlington, VT, Ashgate, 2012pp. 1–18.

32. Hall S. Cultural Studies 1983: A Theoretical History / Kindle edition. Durham: Duke University Press, 2016. 219 p.

33. Illouz E. Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2007. 144 p.

34. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. XLVII. P. 263–291.

35. Lemmings David, and Ann Brooks (2014), Emotions and Social Change. Historical and Sociological Perspectives, New York, Routledge.

36. Liberman M. D. Social: Why Our Brains Are Wired to Connect. New York, NY: Crown Publishing Group, 2013. 384 pp.

37. Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York.: Cambridge University Press, 2001, 400 p. P. 5, 9–11.

38. Riesman D. The Lonely Crowd / With N. Glzer, R. Denney; revised ed. New Haven; London: Yale University Press, 2001.

39. Scheer M. (2012) Are Emotions a Kind of Practice (and Is That What Makes Them Have a History)?

A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // History and Theory, 2012. № 51. pp. 193–220

40. Stearns P. N., Stearns CZ. Emotionology: Clarifying the His-tory of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813–836.

41. Furedi F. Therapy Culture. Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age. London, New York: Routledge, 2004. 245 p.

Reference list

1. Aronson P. Ljubov': cdelaj cam. Kak my stali menedzherami svoih chuvstv = Love: do it yourself. How we became managers of our feelings. Moskva : Individuum, 2021. 192 s.

2. Bahmann-Medik D. Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture = Cultural twists. New landmarks in cultural sciences. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 504 s.

3. Bojm S. Budushhee nostalgii = The future of nostalgia. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 680 s.

4. Girc K. Interpretacija kul'tur = Interpreting cultures. Moskva : ROSSPJEN, 2004 s. 96

5. Grojs B. Apologija Narcissa = Apology of Narcissus. Moskva : Ad Marginem Press, 2024, 112 s.

6. Grojs B. Filosofija zaboty = Caring philosophy. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 120 s.

7. Dzhejmison F. Postmodernizm i obshhestvo potreblenija = Postmodernism and the Consumer Society // Marksizm i interpretacija kul'tury. Moskva ; Ekaterinburg : Kabinetnyj uchenyj, 2014. 296 s.

8. Zorin A. L. Pojavlenie geroja: Iz istorii russkoj jemocional'noj kul'tury konca XVIII–nachala XIX veka = Appearing a hero: From the history of Russian emotional culture of the late XVIII – early XIX century. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 568 s.

9. Izard K. Psihologija jemocij = Psychology of emotions. Sankt-Peterburg : Piter, 2021. 464 s.

10. Illuz E. Fabrika schastlivyh grazhdan: kak industrija schast'ja konstruiuet nashu zhizn' = Happy citizens factory: how the happiness industry constructs our lives / E. Illuz, Je. Kabanass. Moskva : AST, 223. 352 s.

11. Il'in E. P. Jemocii i chuvstva = Emotions and feelings. Sankt-Peterburg : Piter, 2001. 752 s.

12. Kurennoj V. A. Obshhestvo singuljarnostej i novye klassy: kul'tur-sociologija Andreasa Rekvica = Singularity society and new classes: Andreas Requitiz's sociology cultures // Logos Review of Books. 2020. № 1. S. 25–27.

13. Lerner Ju. Tele-terapija bez psihologii, ili kak adaptirujut Self na postsovetkom telejkrane = Tele-therapy without psychology, or how Self is adapted on the post-Soviet TV screen // Laboratorium, 2011. № 1. S. 116–137.

14. Lazarus A. Kratkosrochnaja mul'timodal'naja psihoterapija = Short-term multimodal psychotherapy. Sankt-Peterburg : Rech', 2001. 256 s.

15. Massumi B. Avtonomija affekta = Affect autonomy / per. s angl. G. G. Kolomijca // Filosofskij zhurnal. 2020. T. 13, № 3. S. 110–133.

16. Marsh S. Krizis blizosti v jepohu cifrovoj svyazi = Crisis of intimacy in the Age of Digital Communication. URL: https://lareviewofbooks.org/article/crisis-intimacy-age-digital-connectivity/?fbclid=IwAR3ut-sQw2rwxD9vFtiZ-0p5wzhq1_H1pKpveKLlQJxd-Wn1Y4mkP_AmY5s (data obrashheniya: 15.05.2025).
17. Pavlov A. V. Postydnoe udovol'stvie: filosofskie i social'no-politicheskie interpretacii massovogo kinematografa = Shameful pleasure: philosophical and socio-political interpretations of mass cinema. Moskva : Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2014. 360 s.
18. Rossijskaja imperija chuvstv: Podhody k kul'turnoj istorii jemocii = Russian Empire of feelings: approaches to the cultural history of emotions : sb. statej / pod. red. Jana Plampere, Shamy Shahad i Marka Jeli. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 512 s.
19. Saprykin Ju. Recenzija na knigu Aronson P. Ljubov': cdelaj cam. Kak my stali menedzherami svoih chuvstv = Book review by Aronson P. Love: do it yourself. How we became managers of our feelings. Moskva : Individuum, 2021. 192 s.
20. Tazhnaja A. C shiroko otkrytymi glazami: pochemu my bol'she ne verim fil'mam o ljubvi = With eyes wide open: why we no longer believe love movies. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/392273-c-shiroko-otkrytymi-glazami-pochemu-my-bolshe-ne-verim-filmam-o-lyubvi> (data obrashheniya: 15.05.2025).
21. Timofej Radja szheg «Future» ne pervyj – do nego jeto sdelal ispanskij hudozhnik v 2012 godu = Timofey Radya was not the first to burn «Future» – earlier it was done by a Spanish artist in 2012. URL: <https://66.ru/news/society/233027/> (data obrashheniya: 15.05.2025).
22. Tereshina D. «Byt' soboj» ili «Radovat' sebja»? Terapevticheskie tehnologii, jemocii, neravenstvo v sovremennoj Rossii = «Be yourself» or «Please yourself»? Therapeutic technologies, emotions, inequality in modern Russia // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. 2024. T. 22, № 1 S. 26–40.
23. Fevr L. Chuvstvitel'nost' i istorija = Sensitivity and history // Boi za istoriju / per. s fr. Moskva : Nauka, 1991. S. 109–125.
24. Fisher M. Prizraki moej zhizni. Teksty o depressii, hontologii i utrachenom budushhem = The ghosts of my life. Texts on depression, hontology and the lost future. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 256 s.
25. Hokshild Arli. Russel Upravljaemoe serdce: kommercializacija chuvstv = Guided heart: commercialization of feelings / per. s angl. I. Kushnarevoj ; pod nauch. red. V. Danilova. Moskva : Izdatel'skij dom «De-lo» RANHiGS, 2019. 392 s.
26. Hjezmondalsh D. Kul'turnye industrii = Cultural industries. Moskva : Izd. dom Vyshej shkoly konomiki, 2018. 456 s.
27. Jekman P. Psihologija jemocij = Psychology of emotions. Sankt-Peterburg : Piter, 2024. 448 s.
28. Bauman Z. Retrotopia. Cambridge : Polity, 2017. 180 p.
29. Barbalet J. Honey, I Shrunk the Emotions: Late Modernity and the End of Emotions // Emotions and Society. 2019. Vol. 1 (2). P. 133–146.
30. De Rivera, J. Emotion and the formation of social identities, in Christian von Scheve and Mikko Salmela (Eds.), Collective Emotions. Perspectives from Psychology, Philosophy, and Sociology, Oxford, UK, Oxford University Press, 2014. pp. 17–231.
31. Gonzalez A. M. Emotional culture and the role of emotions in cultural analysis, in A. M. González (Ed.), The Emotions and Cultural Analysis, Burlington, VT, Ashgate, 2012pp. 1–18.
32. Hall S. Cultural Studies 1983: A Theoretical History / Kindle edition. Durham: Duke University Press, 2016. 219 p.
33. Illouz E. Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2007. 144 p.
34. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. XLVII. P. 263–291.
35. Lemmings David, and Ann Brooks (2014), Emotions and Social Change. Historical and Sociological Perspectives, New York, Routledge.
36. Liberman M. D. Social: Why Our Brains Are Wired to Connect. New York, NY: Crown Publishing Group, 2013. 384 pp.
37. Reddy W. M. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. New York.: Cambridge University Press, 2001, 400 p. P. 5, 9–11.
38. Riesman D. The Lonely Crowd / With N. Glzer, R. Denney; revised ed. New Haven; London: Yale University Press, 2001.
39. Scheer M. (2012) Are Emotions a Kind of Practice (and Is That What Makes Them Have a Nistory)? A Bourdieuan Approach to Understanding Emotion // History and Theory, 2012. №. 51. pp. 193–220
40. Stearns P. N., Stearns CZ. Emotionology: Clarifying the His-tory of Emotions and Emotional Standards // The American Historical Review. 1985. Vol. 90. № 4. P. 813–836.
41. Furedi F. Therapy Culture. Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age. London, New York: Routledge, 2004. 245 p.

Статья поступила в редакцию 14.03.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 14.03.2025; approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.